

Заозерский Н. А. 25-летие профессорской службы В. О. Ключевского в Московской Духовной Академии // Богословский вестник 1896. Т. 4. № 12. С. 475—489 (3-я пагин.).

Двадцатипятилѣтіе профессорской службы В. О. Ключевскаго въ Московской Духовной Академіи.

27 Октября въ залахъ елизаветинскихъ „чертоговъ“ — главнаго зданія Академіи—происходило братское привѣтствованіе столь извѣстнаго русскому міру историка — профессора В. О. Ключевскаго съ исполнившимся двадцатипятилѣтіемъ его профессорской службы при Москов. Духовной Академіи.

Намѣреніе сослуживцевъ юбиляра отпраздновать это событіе въ тѣсно замкнутомъ кругу—братскою трапезою—не совсѣмъ удалось: стоило появиться въ газетахъ случайной замѣткѣ какого-то провинціального корреспондента о готовящемся товарищескомъ обѣдѣ въ честь Ключевскаго, чтобы этотъ обѣдъ превратился, такъ сказать, въ событіе академической жизни, каковое многочисленныя ученики и почитатели юбиляра и Академіи не замедлили сдѣлать гласнымъ по всей Россіи: въ день юбилея В. О. Ключевскимъ получена масса привѣтственныхъ телеграммъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что привѣтственныя благожеланія симпатичному юбиляру раздавались не только въ залахъ елизаветинскихъ чертоговъ но и всюду по Россіи въ кружкахъ почитателей и учениковъ высокоталантливаго и примѣрно ревностнаго служителя русской строго національной исторической наукѣ. Неотразимо-симпатичная личность юбиляра и его вѣрное служеніе ученой цѣли сдѣлали то, что такое по внѣшности обычное явленіе жизни, какъ „товарищескій обѣдъ“ стало событіемъ, изложенію котораго заурядный лѣтописецъ Богословскаго Вѣстника долженъ удѣлить не малое число страницъ.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ въ научномъ движеніи русской мысли и общественнаго самосознанія замѣчательно плодоносными результатами обнаруживало себя между прочимъ славяно-русское направленіе. Имена вліятельнѣйшихъ представителей славянофильства, историковъ и славистовъ русскихъ и славянскихъ принадлежать этому времени. Московская Духовная Академія имѣла въ средѣ своей самыхъ искреннихъ поклонниковъ и ученыхъ дѣятелей этого направленія. Естественно поэтому произошло, что когда появилась на свѣтъ магистерская диссертация одного изъ питомцевъ Московскаго Университета, подъ заглавіемъ: „Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ“ В. Ключевскаго, Московская Духовная Академія постаралась привлечь въ свою среду молодого ученаго—автора этого произведенія, изумившаго и критическимъ тактомъ и талантомъ, и — мало сказать — трудолюбіемъ, а прямо-таки *подвижничествомъ* въ изученіи житійнаго рукописнаго и печатнаго матеріала. На профессорской кафедрѣ В. Осиповичъ познакомилъ своихъ слушателей съ свойственною ему увлекательною красотою преподаванія русской исторіи чистою, характернопластичною русскою рѣчью. Строго научный тонъ лекцій въ соединеніи съ художественнымъ ихъ изложеніемъ и мастерскою манерою произношенія сдѣлали аудиторію Ключевскаго весьма многолюдною и личность его необыкновенно популярною. Хотя въ теченіи 25-ти лѣтней своей службы Василій Осиповичъ постоянно жилъ въ Москвѣ, однакожь своимъ сердечнымъ участіемъ во всѣхъ дѣлахъ, затрогивающихъ интересы Академіи онъ такъ съ нею сроднился, что она всегда почитала его совсѣмъ „своимъ“ и на каждый его пріѣздъ на „лекцію“, „диспутъ“ или какой либо „актъ“ смотрѣла какъ на пріѣздъ его въ свой домъ.

Такой же домашній, дружескій характеръ носило и празднованіе академіею двадцатипятилѣтія Василя Осиповича. Кромѣ сослуживцевъ его въ празднованія принимали участіе только о. Ректоръ и преподаватели Виѣанской Духовной Семинаріи.

Въ воскресный день, избранный для празднованія двадцатипятилѣтія, по окончаніи литургіи о. Ректоромъ Академіи въ сослуженіи съ академическимъ духовенствомъ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, за тѣмъ всѣ сослу-

живцы Василя Осиповича собрались въ комнатахъ о. Ректора—въ чертогахъ Академіи. Кратко привѣтствуя юбиляра о. Ректоръ при семь поднесъ ему просфору съ вынутою за здравіе его частицею. Въ залу вошли потомъ четыре студента—представители студентовъ Академіи, одинъ изъ коихъ произнесъ юбиляру слѣдующее привѣтствіе:

Ваше Превосходительство,
Глубокоуважаемый наставникъ
Василій Осиповичъ.

Къ общему хору согласныхъ поздравленій и благожеланій по поводу истекшаго 25-ти лѣтія Вашего служенія русской исторической наукѣ, рѣшаемся и мы, студенты духовной академіи, присоединить свой скромный голосъ.

На Вашу долю выпала счастливая и завидная роль вести къ свѣту истины и познанія юнорство въ двухъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы, и въ теченіе цѣлой четверти вѣка Вы съ достоинствомъ, честью и большой славой выполняете эту, на сколько высокую и почтенную, на столько же трудную и отвѣтственную задачу.

Не намъ, конечно, входить въ оцѣнку Вашей научной дѣятельности; въ общемъ она настолько извѣстна каждому, что всякіе комментаріи тутъ по крайней мѣрѣ съ нашей стороны не умѣстны и излишни.

Какъ настоящіе Ваши ученики и ближайшіе слушатели, мы позволяемъ себѣ отмѣтить въ данную мянуту ту сторону Вашей педагогической дѣятельности, которая наиболѣе непосредственно насъ касается,—я разумѣю здѣсь Вашъ блестящій лекторскій талантъ.

Если до вступленія въ стѣны сего учебнаго заведенія большинство изъ насъ знало Васъ, какъ выдающагося современнаго историка, то всѣ мы тотчасъ же по вступленіи познакомились съ Вами, какъ блестящимъ лекторомъ, способнымъ увлекать и потрясать аудиторію.

Сходить на лекцію В. О. Ключевскаго, послушать его мастерскіе очерки русской исторіи, богатые запасомъ глубокихъ историческихъ познаній и тонкаго психологическаго анализа,—значитъ получить не только большое умственное, но и высокосъ художественное наслажденіе.

Въ Вашихъ увлекательно составленныхъ очеркахъ забы-

тыя картины нашего прошлаго возставали во всей ихъ неотразимой жизненной правдѣ и осязательной реальности; давно отжившія лица снова выступали дѣйствующими на исторической сценѣ во всей ихъ индивидуальности, со всѣми ихъ достоинствами и недостатками, какъ дѣйствительныя, конкретныя личности.

Словомъ—въ своихъ историческихъ разсказахъ Вы съ неподражаемою художественностью воскрешали прошлое нашей исторіи, а своимъ мастерскимъ изложеніемъ приковывали къ себѣ всеобщее вниманіе слушателей, ни на минуту не ослабѣвавшее въ продолженіе всей жизни.

За Вашу обширную, многостороннюю и благотворную дѣятельность, какъ выдающагося ученаго историка, за Ваше симпатичное къ намъ отношеніе и за Ваше неподражаемо-художественное и талантливое чтеніе лекцій, мы, Ваши ученики и слушатели, приносимъ Вамъ свою искреннюю благодарность и глубокій поклонъ“.

На эту рѣчь юбиляръ отвѣчалъ: „Такъ много оказывается мнѣ вниманія и со стороны моихъ сослуживцевъ и съ вашей! И за что же? За то только, что къ исполненію прямого долга съ моей стороны приложенъ трудъ и любовь къ дѣлу. Награда—весьма высокая! Отъ всей души желаю и вамъ впослѣдствіи — когда вы будете дѣйствовать на поприщѣ учительства — имѣть такихъ же внимательныхъ и признательныхъ учениковъ. Большое спасибо вамъ, а въ лицѣ васъ и всѣмъ моимъ бывшимъ и настоящимъ ученикамъ“.

Послѣ сего начался обѣдъ, въ концѣ котораго, въ обычное время тостовъ со стороны сослуживцевъ юбиляра полились рѣчи, можно сказать, цѣлымъ потокомъ. Первымъ говорилъ профессоръ Василій Александровичъ Соколовъ (старшій изъ присутствовавшихъ на обѣдѣ слушателей Василя Осиповича). Онъ говорилъ такъ:

Глубокоуважаемый

Василій Осиповичъ!

Двадцать пять лѣтъ, сильныхъ и плодотворныхъ лѣтъ, своей жизни Вы посвятили на служеніе нашей дорогой Московской Академіи. Въ нынѣшній знаменательный для всѣхъ тружениковъ по отечественной исторіи день, посвященный

памяти препод. Нестора, Академія въ лицѣ всѣхъ насъ, собравшихся здѣсь ея наличныхъ представителей, выражаетъ Вамъ свое искреннее сердечное спасибо за Вашу многолѣтнюю, доблестную службу.

Какъ учрежденіе ученое, Академія и прежде всего и больше всего чтитъ Васъ какъ ученаго. Глубокій изслѣдователь и знатокъ своего предмета, Вы приобрѣли себѣ такое почетное ученое имя, что академическая семья наша считаетъ для себя предметомъ справедливой гордости имѣть Васъ въ своей средѣ. Въ ученыхъ трудахъ своихъ Вы обнаружили такія разностороннія достоинства, что всякій желающій историкъ можетъ найти въ нихъ для себя высокіе образцы, вполне достойные подражанія. Въ „Древне русскихъ житіяхъ“ Вы показали, какъ нужно работать надъ источниками, какъ цѣлые годы, не жалѣя времени, труда и силъ, копаться въ библіотекахъ и архивахъ, изучать многія сотни рукописей и, путемъ ихъ тщательнаго сличенія, строгой критической оцѣнки, извлекать изъ массы матеріала крупницы скрывающейся въ немъ исторической истины. А въ „Боярской думѣ“ своей Вы показали, какъ изъ добытого матеріала нужно созидать изящное, стройное зданіе. Не смотря на трудность предпринятой Вами въ этой работѣ задачи, на крайнюю часто скудость имѣющихся данныхъ, Вы силою своего таланта развернули предъ читателемъ такую широкую картину, въ которой онъ на судьбахъ одного лишь учрежденія видитъ всю и политическую и соціальную исторію древней Руси. Но и этого мало. Вы явили себя не только образцовымъ историкомъ—критикомъ и историкомъ—прагматикомъ, но и историкомъ—художникомъ. Ваши „Добрые люди древней Руси“, Вашъ „Евгеній Онѣгинъ“, Ваше „Воспоминаніе о Новиковѣ“, Ваша рѣчь „о значеніи преп. Сергія Радонежскаго“ представляютъ собою такія блестящія, истинно-художественныя характеристики эпохъ и личностей, что смѣло могутъ поспорить съ произведеніями рѣзца, или кисти какихъ-либо извѣстныхъ маэстро.—Счастливое, рѣдкое сочетаніе въ Васъ глубокой учености съ выдающимся талантомъ всегда высоко цѣнила Московская Академія и потому всегда видѣла и видитъ въ Васъ одно изъ своихъ лучшихъ ученыхъ украшеній.

Но Академія не ученое только учрежденіе, а вмѣстѣ и

школа и, какъ такая, она привѣтствуютъ теперь Васъ какъ одного изъ достойнѣйшихъ своихъ профессоровъ и руководителей ея питомцевъ. Я лично имѣю счастье принадлежать къ первому курсу Вашихъ учениковъ. Мы впервые увидѣли Васъ, когда Вы только еще въ качествѣ претендента вступали на кафедру, чтобы въ присутствіи всего академическаго ареопага съ незабвеннымъ Алек. Васильевичемъ во главѣ прочитать свою пробную лекцію. Мы же были слушателями и перваго курса Вашихъ лекцій, которымъ Вы открыли свою достославную службу въ Академіи. Не могу удержаться, что бы не засвидѣтельствовать теперь, что съ перваго же года Вы такъ сѣумѣли завладѣть своими слушателями, что мы внимали Вамъ можно сказать съ замираніемъ сердца и мы начали собою тотъ длинный рядъ Вашихъ поклонниковъ, который непрерывно тянется теперь уже десятки лѣтъ. Если даже тогда въ первый же годъ своей службы, при всѣхъ трудностяхъ и слабостяхъ неизбежныхъ для всякаго начинающаго, Вы уже заставили насъ преклоняться предъ собою, то чѣмъ же стали Вы для своихъ учениковъ потомъ, когда вошли въ пору полного разцвѣта своихъ силъ? Объ этомъ мы сей часъ слышали отъ Вашихъ настоящихъ учениковъ и еще повѣдаетъ намъ тотъ нашъ сослуживецъ, который въ составѣ нашей корпораціи является самымъ юнымъ изъ Вашихъ слушателей.

Академія, далѣе, есть корпорація и мы привѣтствуемъ Васъ, какъ своего прекраснаго сослуживца и товарища. Не будучи питомцемъ Академіи, войдя въ нее со стороны, даже и живя вдали отъ Академіи, Вы все-таки такъ сроднились духомъ съ нею, что всегда были и остаетесь для нея близкимъ и своимъ. Всѣ наши академическія радости и бѣды всегда были близки Вашему сердцу столько же, какъ и намъ. Не разъ на моей памяти бывали и бываютъ въ жизни Академіи такія напр. минуты, когда корпорація должна дружно сплотиться и твердо стать на защиту чести, добраго имени и интересовъ Академіи и всегда въ такихъ случаяхъ Вы—нашъ Василій Осиповичъ—всею душою являетесь нашимъ; и опытнымъ совѣтомъ и энергическимъ содѣйствіемъ, и словомъ и дѣломъ готовы поддержать товарищей и постоять за свою Академію. А сколько разнаго рода личныхъ товарищескихъ услугъ Вы оказывали и оказы-

ваете весьма многимъ изъ насъ? Понадобится ли намъ что либо въ Университетѣ или въ Публичной Библіотекѣ или въ архивѣ какомъ нибудь, или въ одномъ изъ ученыхъ обществъ Московскихъ, всегда мы съ просьбой къ нашему Василью Осиповичу и хлопочете Вы за насъ и добываете намъ, что нужно, съ такою готовностью и любезностью, какъ можетъ дѣлать только лучший безкорыстный другъ и товарищъ.

Наконецъ мы, члены академической корпораціи, живемъ и своею общественною жизнію, составляемъ изъ себя маленькій, но дружный товарищескій кружокъ, въ которомъ проводимъ свои досуги и дѣлимся другъ съ другомъ своими мыслями и чувствами. Съ искреннимъ удовольствіемъ мы можемъ сказать, что Вы, глубокоуважаемый Василій Осиповичъ, и живя въ Москвѣ всегда были и остаетесь однимъ изъ самыхъ близкихъ и любимыхъ членовъ нашего посадскаго академическаго кружка. Всегда Вы любезно откликаетесь на нашъ призывъ и идете къ намъ, какъ къ своимъ. Всѣ мы испытали и знаемъ, какъ веселы и пріятны тѣ часы, когда Вы съ нами!! Большое намъ удовольствіе, когда представится случай быть участниками Вашей интересной, остроумной и задушевной бесѣды. Въ товарищескомъ кружкѣ нашемъ Вы всегда добрый, желанный гость.

Привѣтствуя теперь Васъ съ исполненнымъ двадцатипятилѣтіемъ Вашей академической службы, отъ души желаемъ, чтобы и впредь, какъ ученый и профессоръ, Вы еще многіе годы служили украшеніемъ Московской Академіи и по прежнему продолжали быть для насъ добрымъ товарищемъ и дорогимъ желаннымъ гостемъ“.

Продолжительное лаврское многолѣтіе, послѣдовавшее за тѣмъ, служило выраженіемъ общаго сочувствія оратору всѣхъ присутствующихъ. Потомъ началъ говорить Доцентъ С. П. Смирновъ (младшій изъ присутствующихъ учениковъ юбиляра.

Глубокоуважаемый

Василій Осиповичъ!

Я такъ недавно слушалъ Ваши лекціи, а потомъ работалъ подъ Вашимъ руководствомъ, что не могу относиться къ Вамъ иначе, какъ къ своему учителю. Позвольте же мнѣ, младшему въ академической корпораціи и одному изъ

послѣднихъ учениковъ Вашихъ здѣсь, говорить какъ ученику. Только Вы меня простите, если мнѣ придется повторить отчасти то, что Вамъ говорили Ваши ученики настоящего и давно прошедшаго времени.

Изъ семинаріи всѣ мы являемся сюда немножко философиами,—маленькими философиами, берущимися за разрѣшеніе только самыхъ великихъ вопросовъ міросозерцанія. Естественно, что на всякую исторію мы смотримъ тогда свысока, а на русскую въ особенности. Скучный семинарскій учебникъ, длинный рядъ княжескихъ и другихъ именъ, мало или ничего не говорящихъ ни уму ни сердцу, поселили въ душѣ убѣжденіе, что въ русской исторіи негдѣ развернуться мысли, не надъ чѣмъ думать,—что работа русскаго историка чисто механическая—корпѣть по архивамъ и извлекать оттуда скучные факты. И мы семинаристы какъ-то обходимъ родную исторію въ своихъ занятіяхъ я, надо сознаться, въ вашу аудиторію являемся во всеоружіи невѣдѣнія, съ полузабытыми семинарскими уроками и съ случайными свѣдѣніями изъ пятка книгъ, прочитанныхъ безъ плана и разбора,—а главное, являемся съ предубѣжденіемъ противъ Вашей науки.

То, что мы слышали въ Вашей аудиторіи, было совершенной неожиданностью. Предъ нашими глазами стройно двигалась русская историческая жизнь, закованная въ строгую систему, одѣтая въ точную сжатую фразу,—и такъ отъ начала исторіи до конца, отъ жизни славянъ на Карпатахъ до преобразовательной эпохи въ царствованіе Александра II включительно. Дѣятели нашего прошлаго проходили предъ нами въ рядѣ мастерскихъ характеристикъ. Какъ живые они вставали во всемъ величіи своего историческаго подвига, въ драматизмѣ или комизмѣ своего положенія. Въмѣсто голыхъ именъ нашихъ учебниковъ въ представленіи Вашихъ слушателей стояли такіе же яркіе человѣческіе типы, какъ литературные типы лучшихъ художниковъ слова; вмѣсто ряда несвязанныхъ между собою историческихъ эпизодовъ—строгая историческая система. И мы видѣли, какая энергія мысли требовалась для выработки этой системы, какая сила чувства и художественнаго проникновенія нужна была для того, чтобы заставить жить снова людей нашей старины. Издали мы пугались истори-

ческихъ памятниковъ. Но Вы извлекали изъ нихъ образцы неподобнаго народнаго лаконизма, своеобразныя выраженiя всѣмъ близкихъ движенiй человѣческаго ума и сердца, на основанiи этихъ памятниковъ Вы рисовали такiя цѣльныя картины прошлаго, что Ваши слушатели невольно проникались къ нимъ живымъ интересомъ. Такъ сами собой и непримѣтно исчезали всѣ наши сомнѣнiя насчетъ родной исторiи и мы понимали, какъ можно полюбить ее всей душой и отдаться ей всей жизнью.

Но Вы являлись предъ нами не только ученымъ и художникомъ, но и артистомъ, талантливо передающимъ въ чтенiи самыя тонкiе оттѣнки мысли, вливающимъ живое чувство въ каждый образъ. Въ Вашихъ лекцiяхъ насъ поражала музыка Вашей блестящей рѣчи. Завидѣвъ Васъ на кафедрѣ, мы цѣликомъ отдавались въ Вашу власть. И Вы по временамъ владѣете своей аудиторiей, заставляя ее то издавать шопоть восторга, то смѣяться. Шумно проводивъ Васъ изъ аудиторiи, мы ждали слѣдующей Вашей лекцiи, слѣдующаго понедѣльника. И какъ бывало становилось досадно, когда въ понедѣльникъ въ большую аудиторiю вмѣсто Васъ входилъ Степанъ и объявлялъ намъ: „Василiя Осипыча не будетъ... не прiѣхалъ... прислалъ телеграмму!“... Однимъ словомъ, ученики Ваши должны Вамъ сказать, что учились они у Васъ съ наслажденiемъ.

Впрочемъ я думаю, Вы и не подозреваете, многоуважаемый Василiй Осиповичъ, какъ много въ нашей Академiи всегда было учениковъ Вашихъ, сколько ихъ перебивало у Васъ въ 25 лѣтъ Вашего профессорства. Еслибы въ одну изъ своихъ лекцiй Вы случайно заинтересовались и привели въ извѣстность составъ своей аудиторiи, то Вы узнали бы, что кромѣ обязанной Васъ слушать одной группы одного курса, Васъ слушаютъ со всѣхъ группъ и курсовъ. Конечно, такъ охотно ходятъ на Ваши лекцiи не даромъ. Кто заинтересовался русской исторiей и занимается ею, внимаетъ каждому Вашему слову, потому что даромъ они у Васъ не говорятся. Кто работаетъ въ какой-нибудь другой области исторiи, идетъ къ Вамъ учиться искусству анализировать явленiя и синтезировать факты,—идетъ учиться писать по исторiи. Наконецъ многiе являются къ Вамъ съ цѣлью выслушать тонкiя психологическiя наблюденiя, ори-

гинальныя мысли, которыя брызжутъ въ каждой Вашей фразѣ,—перенять образцовую форму Вашей рѣчи, сжатой и изящной. Такъ Ваши лекціи для многихъ студенческихъ поколѣній служили и служатъ не только ближайшему дѣлу ознакомленія съ научной постановкой русской гражданской исторіи... онѣ имѣютъ огромное значеніе въ смыслѣ общеобразовательномъ. И не даромъ, оставляя Академію, каждый студентъ, у котораго была возможность и деньги, везетъ съ собою подробный курсъ Вашихъ лекцій.

И вотъ наше желаніе Вамъ, многоуважаемый Василій Осиповичъ!—желаніе учениковъ Вашихъ въ день 25-лѣтія Вашей профессорской службы: пусть и еще многія студенческія поколѣнія слушаютъ Васъ съ тѣмъ же наслажденіемъ; пусть они учатся у Васъ любить наше родное прошлое; пусть съ восторгомъ вспоминаютъ о Васъ по выходѣ изъ школы. Пусть продолжится на многіе годы Ваша блестящая профессорская дѣятельность!...

Затѣмъ слѣдовали рѣчи профессоровъ: Д. Ѳ. Голубинскаго, Г. А. Воскресенскаго П. И. Горскаго.

Д. Ѳ. Голубинскій говорилъ:

Многоуважаемый

Василій Осиповичъ!

Вамъ, какъ Профессору Исторіи Россіи, желаю предложить нѣсколько отнѣсящихся къ Вамъ историческихъ воспоминаній.

Къ сожалѣнію бываетъ съ нами, что когда мы слушаемъ поученіе въ Церкви или что либо подобное, то является у насъ грѣшная, препятствующая дѣйствию поученій, такая мысль: человекъ говоритъ только по обязанности, а не по глубокому внутреннему убѣжденію. Но когда человекъ науки неожиданно скажетъ намъ что нибудь поучительное и назидательное для души, то это сильно дѣйствуетъ на насъ и на долго остается въ душѣ.

Желаю привести нѣсколько примѣровъ того, когда приходилось мнѣ слышать отъ Васъ нѣчто назидательное.

Вспомните, что было почти девятнадцать лѣтъ тому назадъ. Въ ноябрѣ 1877 года блаженной памяти отецъ Протоіерей Александръ Михайловичъ Иванцовъ-Платоновъ защищалъ диссертацию на степень доктора, и послѣ того въ

гостинницѣ предложилъ намъ трапезу, къ концу которой мы развеселились. Въ то время и онъ и Вы преподавали въ Александровскомъ Восномъ Училищѣ. Тогда война съ Турками еще не окончилась, и я говорилъ Александру Михайловичу и Вамъ краткую рѣчь, въ которой выражалъ желаніе, чтобы подъ Вашимъ руководствомъ воспитывались патріоты, горячо любящіе свое Отечество. Вспомните: что Вы отвѣчали на мою рѣчь? Вы предложили тостъ: за изученіе природы въ духѣ вѣры.

Эти Ваши слова были для меня во-первыхъ очень радостны: ибо за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, когда закрытъ былъ въ Академіяхъ классъ физико-математическихъ наукъ, мнѣ предстояла опасность совсѣмъ оставить дорогую Академію. И только благодаря доброму участию приснопамятныхъ Митрополита Иннокентія и отца Ректора Александра Васильевича Горскаго я уцѣлѣлъ въ званіи преподавателя Естественно-научной Апологетики.

Во-вторыхъ Ваши слова были для меня поучительны: ибо самая должность побуждаетъ меня стараться объ изученіи видимой природы въ духѣ вѣры.

Съ утѣшеніемъ воспоминаю и о Вашей рѣчи въ академической Праздникъ, въ 1888 году,—когда праздновалось девятисотъ-лѣтіе Христіанства въ Россіи. Весьма знаменательны на второй страницѣ этой рѣчи Ваши слова:

„Воспитывая вѣрующаго для *грядущаго* града“, Церковь „постепенно обновляетъ и перестраиваетъ и градъ, *здѣ* *пребывающій*. Эта перестройка гражданскаго обществія подъ дѣйствіемъ Церкви — таинственный и поучительный процессъ въ жизни христіанскихъ обществъ“. И эти слова были Вами раскрыты и доказаны историческими фактами.

Первое число октября было въ 1888 году въ субботу. Ваша рѣчь такъ на меня подѣйствовала, что, по окончаніи всенощной въ приходскомъ храмѣ, я говорилъ о содержаніи вашей рѣчи нашему церковному старостѣ, и онъ со вниманіемъ и сочувствіемъ это слушалъ.

Блаженной памяти Родитель мой относился съ благоговѣніемъ къ святому Димитрію Митрополиту Ростовскому, и въ честь его далъ мнѣ имя. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я обратился къ Вамъ съ вопросомъ о значеніи святаго Ди-

митрія въ русской Исторіи. Помню, Вы хорошо объяснили мнѣ, что святой Димитрій является свѣтлою личностію той не очень свѣтлой эпохи, въ которую онъ жилъ.

Вспомните и о Вашей поучительной рѣчи въ 1892 году, — когда праздновалось пятидесятіе лѣтъ памяти Преподобнаго Сергія. Нѣтъ нужды говорить много о томъ, съ какимъ сочувствіемъ и здѣшней святою Обителию и обществомъ принята была сія рѣчь. Скажу только, что и ко мнѣ обращались съ просьбами достать ея экземпляры. И еще съ благодарностію воспоминаю, что въ то время Вы передали мнѣ новое пожертвованіе въ Братство Преподобнаго Сергія.

Изъ сказаннаго мною очевидно выходитъ такое слѣдствіе:

Весьма драгоцѣнны относящіяся къ Исторіи Россіи труды добросовѣстныхъ ученыхъ. Ибо эти труды побуждаютъ насъ любить наше Отечество и дорожить священнымъ сокровищемъ Православія.

Отъ души желаемъ Вамъ для блага дорогого Отечества и во славу святой Церкви потрудиться еще и еще на многая лѣта!

Г. А. Воскресенскій говорилъ:

Глубокоуважаемый

Василій Осиповичъ!

Четвертый годъ Вы состоите председателемъ Императорскаго Общества Исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ Университетѣ. Нѣсколько ранѣ этого срока начались, но Вами дѣятельно поддержаны и нынѣ, можно надѣяться, прочно установились наилучшія отношенія членовъ академической корпораціи къ названному Обществу. Не рѣдкость, что академическій труженикъ, собравъ цѣнный историческій матеріалъ, или обработавъ его, затрудняется вопросомъ: гдѣ напечатать собранный матеріалъ или научно-обработанное изслѣдованіе? Своихъ средствъ на изданіе нѣтъ. Нашъ академическій журналъ, равно какъ и другіе духовные журналы по совершенно понятнымъ причинамъ отказываются помѣщать сырые матеріалы или слишкомъ спеціальныя и длинныя изслѣдованія. Какъ тутъ быть? Къ кому обратиться? Кто придетъ на помощь? На помощь за послѣдніе годы приходитъ Общество Исторіи и древностей

россійскихъ. На страницахъ своихъ „Чтеній“ оно даетъ мѣсто и сырому матеріалу, если онъ представляетъ историческую цѣнность; не затруднится напечатать за одинъ пріемъ и цѣлую диссертацию. вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря именно участію труженниковъ высшей духовной школы, самыя „Чтенія“ Общества получаютъ отчасти характеръ церковно-исторической, церковно-археологической, столь любезный сердцу православнаго богослова. Примѣры внимательнаго добраго отношенія Московскаго Общества къ ученымъ трудамъ членовъ академической корпораціи за послѣдніе годы у всѣхъ на лицѣ. Достаточно назвать Евгенія Евсигнѣвича, Николая Ѳедоровича, Александра Петровича. Ровно годъ тому назадъ я также воспользовался услугами Общества и, зная Ваши, Глубокоуважаемый Василій Осиповичъ, сердечныя отношенія къ дорогой намъ Академіи, позволяю себѣ выразить твердое свое упованіе, что указанное мною отрадное явленіе и впредь будетъ имѣть мѣсто въ предсѣдательствѣ Обществѣ.

Итакъ позвольте, Досточтимый Василій Осиповичъ, провозгласить тостъ за Васъ, какъ за достойнѣйшаго предсѣдателя Императорскаго Общества Исторіи и древностей россійскихъ и пожелать, чтобы установившіяся добрыя отношенія членовъ академической корпораціи къ названному Обществу продолжались и впредь, на благо духовнаго просвѣщенія и историко-археологической науки.

II. И. Горскій говорилъ такъ:

Случалось мнѣ не разъ и хаживать и сиживать около Виѣанскаго пруда въ лунныя ночи, при легкомъ вѣтеркѣ, и любоваться игрой свѣта на мелкихъ волнахъ, катившихся иногда вдоль, иногда поперекъ узкой водной полосы, отражавшей блескъ луны. Смотришь, — мелюзги — волночки бѣгутъ будто на перегонки и, мелькая, сверкаютъ мгновенно вспыхивающими огоньками бѣлоцвѣтными, будто отпущенными изъ Эдиссоновскихъ лампочекъ на самый короткій срокъ. Игрой свѣта на мелкой водной ряби любовался я подолгу.

Случалось мнѣ, проходя мимо пашни, останавливаться и любоваться, какъ сѣтъ хорошій посѣвщикъ. Крѣпко ступнетъ онъ лѣвой ногой, быстро передвинетъ правую,

нижнимъ концемъ кисти правой руки стукнетъ слегка объ лукошко,—и широкимъ вѣеромъ раскинутся изъ его горсти сѣмена ржи или овса. Посмотришь: зерна легли правильно, съ одинаковой густотой, совсѣмъ безъ прогаловъ. Рука посѣвщика сработала свое дѣло мастерски, не хуже сѣялки. Смотришь,—и любишься.

Слушаешь сонату или симфонію Бетховена,—и дивишься силѣ его мысли, его чувства, его фантазіи. Щедрый, чуть не до расточительности, богачъ музыкальнаго міра, онъ будто совсѣмъ невзначай, походя, на всѣ стороны раскидываетъ свое добро: куда—червонецъ полновѣсный, куда—цѣлковый рубль, куда—блостящую, совсѣмъ новенькую, музыкальную мелочь. Только успѣвай замѣчать, куда и что летитъ, и только успѣвай хватать. Схватишь: но никакъ не угадаешь, чѣмъ на слѣдующей же строкѣ метнетъ онъ въ твои жадно слушающія уши.

То же, по существу, что и въ лунныя ночи на Виоанскомъ прудѣ, то же, что и около умѣлаго посѣвщика на пашнѣ, то же, что и слушая Бетховена, переживалъ я, читая ваши, Василій Осиповичъ, статьи.

Еще разъ поднимаемъ бокалы за игру свѣта, за мастерство сѣва, за Бетховеновскій укладъ русской мысли и рѣчи,—и выпьемъ за Василья Осиповича Ключевского.—

Рядъ привѣтствій заключился рѣчами Проф.—Н. А. Заозерскаго и Инспектора Виоанской семинаріи И. И. Лапенскаго.

На всѣ привѣтствія Юбиларь отвѣчалъ съ обычными ему любезностію, остроуміемъ и задушевностію и скромный обѣдъ затянулся на нѣсколько часовъ, превратившись въ задушевную дружескую бесѣду. Во время этой бесѣды къ общей радости совсѣмъ неожиданно явился въ залу Преосвященный Аркадій, епископъ Балахнинскій—одинъ изъ многочисленныхъ учениковъ Юбилара, бывший проѣздомъ въ Лаврѣ—и горячо привѣтствовалъ своего учителя. Было получено множество писемъ и телеграммъ, привѣтствовавшихъ юбиляра которыя и были тотчасъ же по полученіи прочитываемы.

Такъ простой товарищескій обѣдъ превратился въ единоедушное обнаруженіе самой искренней симпатіи къ тому, кто поставилъ цѣлью своей жизни служить родной землѣ

всѣми силами своей души, неусыпнымъ трудомъ надъ собою, употребляя въ дѣло данный Богомъ талантъ и цѣня болѣе всего въ жизни весьма скромное, но весьма трудное и весьма отвѣтственное профессорское призваніе.

Торжество юбиляра не ограничилось однимъ этимъ днемъ. На слѣдующій день въ 11 часовъ утра В. О. Ключевскій явился на обычную свою лекцію въ аудиторію. Здѣсь произошло совершенно неожиданное, неподдающееся описанію событіе, какъ по своей паружной простотѣ, такъ и по глубокому внутреннему содержанію. Собравшіеся въ большемъ противъ обыкновеннаго количествѣ студенты встрѣтили своего профессора-учителя радостными восторженными рукоплесканиями и одинъ изъ нихъ—простыми и трогательными словами громко засвидѣтельствовалъ отъ лица всѣхъ собравшихся свою искреннюю *любовь къ учителю*, испросивъ позволеніе запечатлѣть ее дружескимъ цѣлованіемъ.... Затѣмъ студенты попросили Профессора сѣсть на кресло и своими руками понесли его на кафедру. Растроганный учитель въ отвѣтъ на это выраженіе любви и уваженія произнесъ рѣдкую по воодушевленію и художественной красотѣ импровизацію, выразивъ свой взглядъ на профессорское призваніе и отозвавшись восторженно о нѣкоторыхъ профессорахъ Академіи—своихъ предшественникахъ—въ особенности объ А. В. Горскомъ и А. О. Лавровѣ—съ которыми онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, образовавшихся единственно на основаніи общности воззрѣнія на профессорское призваніе и служеніе научной истинѣ.

Повѣдая кратко и скудно о сихъ событіяхъ, лѣтописецъ съ своей стороны выражаетъ искреннее желаніе, чтобы подобныя простыя событія въ жизни нашихъ школъ, особенно духовныхъ, повторялись чаще и чаще. Они назидательны и плодотворны какъ выразители той истины, что скорби служенія истинѣ и меньшей юной братіи, нерѣдко вѣнчающія скромнаго дѣятеля крестомъ и терніемъ, сплетеннымъ завистію и злорѣчіемъ, вознаграждаютъ его неизбѣжно и искренними симпатіями и совсѣмъ нежданно даруютъ радость и торжество, которыхъ не въ силахъ отнять ничто въ мірѣ.

Н. Заозерскій.